

ГИНТАРАС БЕРЕСНЯВИЧЮС

(6 июля 1961 — 6 августа 2006)

Летом 2006 года при трагических и до сих пор до конца не выясненных обстоятельствах из жизни неожиданно ушел молодой и выдающийся литовский религиовед, прозаик, публицист и эссеист Гинтарас Береснявичюс.

Г. Береснявичюс родился в Каунасе, здесь прошло его детство и отрочество, здесь он прожил половину своей короткой, интенсивной и удивительно плодотворной творческой жизни. В 1979 году Гинтарас Береснявичюс окончил 26-ю Каунасскую школу (с 2001 г. школа им. Симонаса Даукантаса), в 1979–1984 годах изучал историю в Вильнюсском университете (ВУ). Закончив университет, на 2 года был призван в советскую армию в качестве офицера бронетанковых войск, служил в Тбилисском военном округе, в Ереване, затем в Нахичеване. В 1986–1989 годах работал ассистентом на кафедре философии Каунасского политехнического института (КПИ), в 1990–1999 годах преподавал на кафедре этнологии и фольклористики Каунасского университета им. Витаутаса Великого (УВВ), с 1990 года до конца жизни работал в Вильнюсе, в Институте культуры, философии и искусства научным сотрудником (с 2004 года — старшим научным сотрудником) Отдела культуры балтов. С 1995 года по совместительству работал также в Центре исследования религий Вильнюсского университета в должности доцента, одновременно преподавал историю религий и литовскую религию и мифологию в Вильнюсской академии искусств и в Литовской музыкальной академии. Г. Береснявичюс был создателем и председателем Общества религиоведов Литвы, членом редколлегии научного журна-

ла «Darbai ir dienos», сотрудником журнала «Naujasis židinys», ответственным за раздел журнала «Metai», редактором отдела религии еженедельника «Šiaurės Atėnai».

За свою короткую жизнь Береснявичюс успел опубликовать более шестидесяти научных статей по проблемам истории и теории религии балтов, издал 21 книгу (в том числе 7 научных монографий, 2 учебника, 2 словаря, 3 романа, 4 сборника эссе), около 500 публицистических статей, эссе, рецензий и научно-популярных статей, более десятка новелл.

Литературные достижения Г. Береснявичюса были оценены по достоинству: в 1997 году он был награжден премией по новеллистике литературного журнала «Nemunas» и премией по публицистике еженедельника «Literatūra ir menas», в 2000 году — премией Друскининкайской поэтической осени за поэтический дебют (за поэзию в эссеистике) и премией Министерства культуры за эссеистику, в 2001 году — премией Президентуры Литвы за сборник эссе по истории Литвы «Ant laiko ašmenų» («На острие времени»). Посмертно ему была присвоена Премия Ассоциации деятелей искусств Литвы. Произведения Г. Береснявичюса были переведены на датский, латышский, хорватский языки. Однако богатое научное наследие Г. Береснявичюса еще ждет своих ценителей и исследователей.

Г. Береснявичюс многим известен как замечательный писатель, но в первую очередь он был исследователем мифологии и религии древних балтов, религиоведом, перу которого принадлежат такие замечательные монографии, как: «Dausos. Pomirtinio gyvenimo samprata senojoje lietuvių pasaulėžiūroje» («Рай. Концепция посмертной жизни в мировоззрении древних литовцев») (Klaipėda, 1990); «Baltų religinės reformos» «Религиозные реформы балтов» (Vilnius, 1995); «Religijotyros įvadas» «Введение в религиоведение» (Vilnius, 1997); «Religijų istorijos metmenys» «Основы истории религий» (Vilnius, 1997); «„Eglė žalčiui karalienė“ ir lietuvių teogoninis mitas» «„Эгле — королева ужей“ и литовский теогонический миф» (Vilnius, 2003); «Palemono mazgas. Palemono legendos periferinis turinys» «Узел Палемонаса. Периферийное содержание легенды о Палемоне» (Vilnius, 2003); «Lietuvių religija ir mitologija: sisteminė studija» «Литовская религия и мифология: системное исследование» (Vilnius, 2004).

Диссертацию доктора гуманитарных наук по этнологии — «Концепция посмертной жизни в мировоззрении древних литовцев» («Pomirtinio gyvenimo samprata senovės lietuvių pasaulėžiūroje») Г. Береснявичюс защитил в 1993 году в УВВ под руководством профессора Норбертаса Велюса. В этом же году Береснявичюс отправился на ста-

жировку в Боннский университет в Германию. Стажировка и общение с профессором Удо Арнольдом для него оказались очень плодотворными и существенно повлияли на дальнейшие его исследования в области религиоведения.

В 1996 году, после смерти профессора Н. Велюса, Г. Береснявичюс в полной мере принял эстафету исследователя литовской мифологии и религии, продолжил незаконченную профессором работу по изданию III тома хрестоматии по литовской мифологии (*Lietuvių mitologija*. Т. 3. Vilnius, 2004).

Уже первые книги Г. Береснявичюса — «Рай» и «Религиозные реформы балтов» — ворвались как порыв свежего воздуха в кабинеты исследователей литовской мифологии. Эти оригинальные произведения вновь подняли вопрос о периодизации истории религии балтов, открыли новую страницу в исследованиях литовской и балтийской религии и мифологии. После этих исследований Г. Береснявичюса совокупность знаний по мифологии балтов наконец приобрела хронологически структурированный религиозный контекст. Без преувеличения можно сказать, что этими исследованиями Г. Береснявичюс положил начало новому этапу в познании культуры балтов; уверенно дебютируя в качестве первого литовского религиоведа, именно он превратил исследование по балтийской *мифологии* в исследования *религии* балтов.

Статьи и исследования Г. Береснявичюса отличаются необыкновенной широтой кругозора, обилием сравнительного материала. Реконструируя основные концепты балтийской религии и мифологии, он обращается не только к индоевропейской мифологии, но и, например, к культурам сибирских шаманов, папуасов Новой Гвинеи, индейцев Калифорнии, тайцев, корейцев, монголов, индийских дравидов, племен предгорьев Тибета. Сравнение разнообразных мифологических и религиозных структур позволило Г. Береснявичюсу обнаружить важнейшие составляющие религии балтов и определить возможные формы ее исторических трансформаций. Умело применяя сравнительный метод и пользуясь только одному ему присущей способностью «разговорить» отдельные, хорошо всем известные и, казалось бы, уже не могущие ничего нового сказать факты исторических источников, Г. Береснявичюс совершает чудо — воскрешает целые пласты древних религиозных представлений балтов. Чего стоят одни только его выводы при анализе организационной структуры жреческого сословия балтов и значимости балтийских святилищ в религиозном и политическом контексте, к которым он приходит, опираясь на зафиксированные только в исторических источниках сведения о том, что балтийские жрецы в святых местах разжигали и поддерживали Вечный огонь.

В 2004 г. вышло в свет долгожданное системное исследование по религии и мифологии балтов «Литовская религия и мифология: системное исследование», в которой Г. Береснявичюс впервые в мировой балтистике систематизировал комплексы религиозных представлений балтов и попытался объединить их в мировоззренческую совокупность, стараясь последовательно воссоздать общий вид реально функционировавшей литовской религии и мифологии. Исследуя мифологические мотивы, сохранившиеся в фольклоре, и свидетельства исторических источников, автор в пяти разделах этого произведения описал основные компоненты литовской религии: религиозную терминологию, характер культовых мест, функции священников, концепты богов, религиозных сил, души и посмертной жизни, а также космогонические и космологические представления. Опираясь на сравнительное религиоведение, Г. Береснявичюс не только обрисовал общую структуру религиозных представлений литовцев, но в то же время вписал ее в контекст религий, существовавших когда-то на просторах Северной, Центральной и Восточной Европы. Г. Береснявичюс уже в более ранних своих работах в общих чертах раскрыл синтетический характер древней литовской религии и описал ее трансформации в контексте религиозных реформ, тем самым он первым ярко обрисовал и этапы обратного процесса деструкции древней религии, произошедшего после экспансии христианства, таким образом соединив основы древней религии балтов, покрытых доисторическим туманом, со знаками балтийской религиозности, кроющимися в потоке этнических традиций XX в. и в синкретическом народном христианстве.

Научные труды Г. Береснявичюса очень высоко ценил В. Н. Топоров: «И если говорить о том, с кем я связываю наибольшие надежды... это с Береснявичюсом», — говорил он в 2001 году кинодокументалисту А. Тарвидасу. — «Он серьезный ученый, и, Вы понимаете, что ценно, — ценно, когда сам ученый человек чувствует себя представителем, частицей того мира, мифологию которого он описывает. А второе чрезвычайно важное положение — это умение подняться над, так сказать, самостью и непосредственностью и увидеть это в более широком смысле. <...> Иногда нужно уметь преодолеть вот такую провинциальность: хорошую, добротную... иногда нужны более широкие контексты, более далекие горизонты, и вот мне кажется, что Береснявичюс к этому готов... Вы, пожалуйста, передайте ему мои добрые пожелания, скажите, что я жду от него новых работ и что направление его трудов, все, что мне попадаете на глаза, мне очень импонирует, в частности, его книга о религиозной реформе. Он — именно серьезный ученый».

Трагическая смерть не позволила Г. Береснявичюсу воплотить в жизнь многие яркие идеи, среди которых была и мечта заняться поисками следов древнего рунического письма в древнебалтской культуре, и намерение приступить к сравнительным исследованиям балтийской религии и японской национальной религии синто, в которых Береснявичюс видел много общего. В связи с этим в последние годы жизни он мечтал о поездке в Японию и искал контактов с японскими коллегами.

Занятия наукой для Г. Береснявичюса отнюдь не стали самоцелью, как для многих ученых, углубившихся и успешно специализирующихся в той или иной области научных изысканий. Свои знания и научный опыт, как и результаты своих исследований, он всегда старался ориентировать на поиски решения насущных проблем современности, на принятие вызовов, возникающих перед своей страной и народом, вступившим на путь глобальных испытаний XXI века. Будучи профессиональным историком и религиоведом, Г. Береснявичюс не боялся братья за роль творца, осмеливающегося не только изучать, но и продолжать традицию на основе достигнутого. Ярким примером этому служит его сочинение «Imperijos darymas: Lietuvių ideologijos metmenys: Europos Sąjunga ir Lietuvos geopolitika XXI a. pirmojoje pusėje» («Создание империи: Проект литовской идеологии: Европейский Союз и геополитика Литвы в первой половине XXI века», 2003), которым он уверенно врывается в сознание современника-литовца, подобно жрецу, воплощающему в своем слове унаследованные от предков знания и вдохновляющему соотечественников на применение этих знаний для современного мифотворчества, способному объединить и настроить народ на путь консолидации и выживания, на достижение самоутверждения и развития в условиях глобализации, нивелирующей культуры и суверенитеты. Сухой научный стиль был не в состоянии удовлетворить творческие порывы ученого, поэтому он многие свои чувства и идеи изящно кристаллизовал в оригинальных и талантливых эссе, зашифровал в романах и раскрыл в многочисленных публицистических произведениях.

Сухая академическая биография не способна представить и оценить этого чрезвычайно живого и интересного человека, отличавшегося научной сосредоточенностью, дисциплиной ума и логики, а вместе с тем и юношеским азартом, юмором и безграничной фантазией. Г. Береснявичюс был человеком свободным и в то же время в высшей степени толерантным, но никогда не поддавался всяким приспособленчества и конформизма по отношению к властвующей системе и бюрократизму. За свое откровенно равнодушное отношение к советским военным «наукам» на военной кафедре ВУ он был призван «послужить отчизне»

в советской армии (1984 г.), за игнорирование марксистско-ленинской философской методологии был уволен с кафедры философии КПИ (1989 г.), а за лекции студентам УВВ о критических идеях по отношению к католической Церкви немецкого теолога, психотерапевта и писателя О. Древермана (Drewermann) был изгнан из Каунасской Духовной семинарии, в которой в то время читал курс по литовской культуре (1995 г.).

Гинтарас писал чрезвычайно много. Вставал он в 4 часа утра и работал, работал. Не было дня, чтобы не появилось его новое сочинение, — куда только ни глянь, какие страницы ни полистай — везде Береснявичюс. Казалось, что он пишет с такой же скоростью, как и читает. А самое главное, что он не повторялся и никогда не испытывал недостатка в новых оригинальных идеях. Казалось, что внутри него кипит какой-то вулкан творчества — как будто в незатронутом историческими невзгодами жертвеннике горел Вечный огонь, через который предки осеняли его ум не зафиксированным нигде и никогда знанием — а Гинтарас Береснявичюс только успевал его записывать...

Я уверен, что тайна творческого феномена Гинтараса Береснявичюса кроется в свойственной ему удивительной способности проникнуть, прочувствовать и пережить глубинную мощь родной балтийской культуры. Нет ни одного сочинения Гинтараса, в котором это не ощущалось бы. Г. Береснявичюс нам показал своей жизнью, как нелегко этой мощью овладеть и каким творцом можно стать, овладев ею.

Й. Вайшкунас